ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 11 | 2025. Volume 18. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Реликты имперфекта и аориста в «Словаре русских народных говоров» (на примере лексикографической истории наречия «неможахом» и глагола «приобретохать»)

Серегина Е. Е.

Аннотация. Цель исследования заключается в описании реликтовых форм аориста и имперфекта в свете русских диалектных данных. В фокусе внимания автора статьи истории конкретных слов – наречия «неможахом» и глагола «приобретохать», которые фиксируются в «Словаре русских народных говоров». Указанные примеры рассматривались как спорные в публикациях, связанных с лексикографической критикой и верификацией словарных источников, поэтому диахронический аспект исследования соотносится с лексикографической историей слов. Научная новизна работы состоит в том, что на основании данных различных источников, в том числе впервые с привлечением картотеки «Словаря русских народных говоров», уточняются некоторые аспекты истории наречия «неможахом» и предлагается новая версия об окказиональном происхождении глагола «приобретохать» в «Словаре русских народных говоров». Полученные результаты показали, что наречие «неможахом» ʻв очень болезненном состоянии’, являясь по происхождению стандартной формой имперфекта 1 л. мн. ч. от глагола «(не) мощи/мочи», закрепилось в русских говорах вместе с устойчивым выражением «еле можахом», которое также сохраняется в русском литературном языке. История глагола «приобретохать» является нестандартной. Она восстанавливается при непосредственном обращении к источнику – «Великорусским сказкам Вятской губернии» по записям Дмитрия Константиновича Зеленина. В данном сборнике глагол фиксируется в форме «пріобрѣтохалъ», которая является результатом соединения церковнославянского аориста и современной формы прошедшего времени.

EN

The relics of imperfect and aorist verb forms in “The Dictionary of Russian Folk Dialects” (through the example of lexicographic history of the adverb “неможахом” and the verb “приобретохать”)

E. E. Seregina

Abstract. The aim of the research is to describe relict forms of the aorist and imperfect verb forms in terms of Russian dialect data. The author of the article focuses on the history of particular words – the adverb “неможахом” and the verb “приобретохать”, which are fixed in the “Dictionary of Russian Folk Dialects”. These examples were considered disputable in the publications related to lexicographic criticism and verification of the dictionary sources, since the diachronic aspect of the research is connected with the lexicographic history of the words. The scientific novelty of this work lies in its use of data from various sources, including the first use of the “Dictionary of Russian Folk Dialects” card index, to clarify certain aspects of the history of the adverb “неможахом” and to propose a new theory regarding the occasional origin of the verb “приобретохать” in the “Dictionary of Russian Folk Dialects”. The results demonstrate that the adverb “неможахом” (meaning ʻin a very painful condition’), originally a standard first-person plural imperfect from the verb “(не) мощи/мочи”, has become established in Russian dialects along with the set expression “еле можахом”, which also persists in literary Russian. The history of the verb “приобретохать” is non-standard. It is reconstructed by directly consulting the source – “Great Russian Fairy Tales of the Vyatka Province” – as recorded by Dmitry Konstantinovich Zelenin. In this collection, the verb is recorded in the form “пріобрѣтохалъ”, which is the result of a combination of the Church Slavonic aorist and the modern past tense.

Введение

В лексической и грамматической системе русского языка сохраняются следы древнего аориста и, возможно, имперфекта. Однако практически все гипотезы о реликтах простых претеритов в системе русского

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250630

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

языка являются дискуссионными и имеют альтернативное объяснение. Архаичные явления не только фиксируются в литературном языке, но и оказываются синтезированными в народно-речевую традицию, а значит, находят отражение в диалектной лексикографии. Ограниченность подобного материала, а порой сохранившийся только в одном источнике пример, вызывает сомнения и вопросы в отношении лексикографической репрезентации редких слов. Актуальность данной работы обусловлена тем, что необходима дальнейшая систематизация и изучение архаичных явлений, связанных с системой прошедших времен в истории русского языка, в том числе с привлечением материала областных словарей.

Перед автором стоят следующие задачи: 1) рассмотреть имеющиеся гипотезы о появлении наречия *неможáхом* и глагола *приобретóхать* в сводном областном словаре; 2) сравнить данные диалектной лексикографии, картотеки «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) и ее непосредственных источников; 3) представить авторскую конъектуру словарных единиц.

В настоящей статье применяются следующие методы исследования: метод реконструкции, позволяющий установить формальную структуру слов с архаичными чертами, сравнительно-сопоставительный метод, способствующий соотнесению исследуемых лексических единиц в различных источниках, метод источниковедческого анализа, устанавливающий аутентичный текст словарного слова.

Материалом исследования послужила картотека «Словаря русских народных говоров» (КСРНГ); этимологические словари М. Фасмера (2004), П. Я. Черных (2007); выборка из диалектных словарей: сводного областного словаря (СРНГ, 1965; 1986; 1997; 2007), «Словаря русских говоров Среднего Урала» (1964; 1971), «Областного словаря вятских говоров» (ОСВГ, 2012), «Псковского областного словаря с историческими данными» (2006). К исследованию также привлекался сборник «Великорусских сказок Вятской губернии» по записям Д. К. Зеленина (1915); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (Федоров, 2008) и сведения из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Теоретической базой исследования послужили классические и современные работы по истории русского языка А. А. Шахматова (2001), М. Г. Халанского (1899), Е. А. Галинской (2006), А. С. Глаголевой (2024), а также труды в области теории лексикографии и верификации словарных источников С. А. Мызникова (2018), Л. Ю. Астахиной (2021), А. Б. Страхова (2004; Страхов, Страхова, 1997), А. Ф. Журавлева (2001; 2002a; 2002b; 2014; 2023).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при разработке курсов по истории языка и в лексикографической практике.

Обсуждения и результаты

Представим краткий обзор реликтовых форм аориста и имперфекта. Хрестоматийным примером, который традиционно входит в учебники по исторической грамматике русского языка, является происхождение формообразующей частицы *бы*, восходящей к форме 2-3 л. ед. ч. аориста. По одной из версий междометие *чу* представляет собой след формы аориста 2 л. ед. ч. от глагола *чути* ʻслышатьʼ (Черных, 2007, с. 393). А. А. Шахматов указывал на связь так называемых «глагольных междометий» типа *стук, двиг, бац*, а также форм особого экспрессивного прошедшего времени типа *роди, вскочи, прослави* с разными типами древнего аориста – «сильного» и сигматического (Шахматов, 2001, с. 472, 200).

В русских говорах также сохраняются слова, которые могут быть связаны с формами простых претеритов. В этимологических словарях и в исследованиях последних лет можно найти различные гипотезы о производящей основе частицы *бишь*, в том числе указывается ее происхождение от формы аориста *бышѧ* 3 л. мн. ч. (версия А. А. Потебни, изложенная в лексиконе М. Фасмера (2004, с. 170)), имперфекта *бѧше* 3 л. ед. ч. (Галинская, 2006, с. 49) и от «смешанной аористно-имперфектной формы *быше*» (Глаголева, 2024, с. 66).

Необходимо упомянуть и постпозитивную частицу *ста*, отмеченную в «Словаре русских народных говоров»: *Какое ему-ста дело до меня? А тебе что-ста за дело?* (Яросл., Новгор., 1853) (СРНГ, 2007, с. 12). Она выражает разные смысловые оттенки: употребляется для усиления слова, после которого стоит, служит для передачи чужой речи и может использоваться в прямой речи для выражения хвастовства (СРНГ, 2007). По одной из версий частица *ста* может представлять остаток двойственного числа аориста. Об этом пишет А. Б. Страхов: «По предварительному рассуждению, и постпозитивные частицы *-ста* и *-сте*, используемые в старорусской этикетной речи, часто при местоимениях, императивах (и, вообще, глаголах) в диалогических репликах, восходят к тем же аористным исходам двойств. числа. Функция этих частиц – в создании атмосферы ʻвзаимностиʼ, ʻобоюдностиʼ речевого акта, в вовлечении объекта высказывания в его субъект» (Страхов, Страхова, 1997, с. 143). М. Г. Халанский (1899, с. 274) писал, что в некоторых случаях частицу *ста* можно рассматривать и как сокращение различных форм вспомогательного глагола *стати*, в том числе аориста.

В свете данных о реликтах аориста и имперфекта в русском языке и в народной речи обращают на себя внимание две лексические единицы, которые фиксируются в «Словаре русских народных говоров»: *приобретóхать* – глагол и *неможáхом* – наречие. Первым обратил внимание на связь заголовочных слов в СРНГ с формами простых претеритов А. Б. Страхов (2004, 292-293, 311) в статье «По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения)».

Наречие *неможáхом* в «Словаре русских народных говоров» (вып. 21) представлено в значении ʻоб очень больном, слабом; о состоянии сильной слабости, немощиʼ: *Неможахом привезли. Неможахом уж*. Запись датируется 1971 годом с указанием «Ср. Урал» (СРНГ, 1986, с. 83). В картотеке СРНГ карточка с данным примером представляет собой перепечатанную вклейку из «Словаря русских говоров Среднего Урала» (КСРНГ).

Наречие *неможáхом* в работе А. Б. Страхова описывается как «церковнославянизированное архаизирующее аналогическое образование» сигматического аориста 1 л. мн. ч. от **неможати* (Страхов, 2004, с. 293). Под знаком вопроса остается источник вхождения слова в СРНГ – «уральские старообрядцы?» (Страхов, 2004, с. 293). В своем комментарии исследователь опирается на географическую помету и реликтовую форму слова, которая могла закрепиться в речи уральских диалектоносителей-старообрядцев, хорошо знавших церковнославянские тексты. Однако иллюстративные примеры, которые приводятся в СРНГ с указанным словом, не соотносятся с религиозным дискурсом. Представляется сомнительной и реставрация инфинитива **неможати*, от которого, по мнению А. Б. Страхова, образован аорист. *Неможáхом* – это стандартная форма имперфекта 1 л. мн. ч. от глагола (*не*) *мощи/мочи* < *mŏg-tēi. Правда, надо отметить, что в «Словаре русских народных говоров» фиксируется глагол *немогать* –ʻболеть, недомогатьʼ, на который также ссылается Страхов в отношении семантики, однако от основы данного глагола следовало бы ожидать форму аориста **немогахомъ*. На наш взгляд, логичнее предположить эталонную форму имперфекта от реально зафиксированного в исторических и диалектных словарях глагола, чем реконструировать слово, которое не поддается верификации по имеющимся источникам.

В комментариях А. Б. Страхов пишет, что, «возможно, *неможахом* в употреблении было сближено с обстоятельственными наречиями на *-ом* (*кругом*, *бегом*, etc.), но по приведенным в СРНГ контекстам судить об этом трудно» (Страхов, 2004, с. 293). Согласимся, что иллюстрации к словарной единице нельзя считать исчерпывающе репрезентативными. Однако в «Словаре русских говоров Среднего Урала» в статью к слову *неможахом* включена отсылка к выражению *еле можáхом* с пометой «экспрессивное» (СГСУ, 1971, с. 200). Сверхсловная единица выступает в значении ʻеле-еле, крайне медленно, кое-какʼ и непротиворечиво показывает обстоятельственную функцию: *Плетётся еле можахом* (Сысертский р-н); *Только бы еле можахом дотенуться до семидесяти пети годох* (Байкаловский р-н, с. Чубаровское); *Еле можахом ходит, одна нога в могиле* (Верхотурский р-н, д. Злыгостева) (СГСУ, 1971, с. 200). Заголовочное слово *можáхом* находим и в «Псковском областном словаре с историческими данными», оно выступает как часть устойчивого оборота *éле можáхом* (*идти*) ʻочень медленно, еле передвигая ногиʼ: *А бы́ли харóшые ахрáнники* <…> *Ви́дит, éле можáхом идёт челавек, падайдёт, вазьмёт, памóжэт, давáй-давáй, гаварúт* (ПОС, 2006, с. 283). В русском литературном языке *еле можаху* представляет собой фразеологическое сращение со значением «в состоянии сильного опьянения» (устар. шутл.) (Федоров, 2008, с. 375). Как видим, в говорах и в литературном языке значения устойчивого выражения отличаются. При этом отметим, что в НКРЯ наряду с формой 3 лица *можаху* встречается и вариант с формой 1 лица *можахом*: *Пришлось еще одного мужика, техничкиного мужа, волочить домой, ибо он был не можахом* (Козаков Н. Н. Дневник. 1962 (НКРЯ)).

Очевидно, что выражение *еле можахом* ʻкрайне медленноʼ и слово *неможахом* ʻв очень болезненном состоянииʼ показывают эквивалентность на грамматическом уровне. Данный факт объясняет помету заголовочного слова в СРНГ – «наречие», этимологические сведения о его происхождении из древней формы прошедшего времени в сводном областном словаре не размещаются.

Таким образом, наречие *неможахом* является реликтом формы имперфекта с отрицанием, слово восходит к церковнославянской традиции. В связи с этим показательным является литературный пример, в котором имперфект в форме 3 л. мн. ч. *можаху* оценивается как диагностирующий славянизм: …*Бабка научилась громадному количеству славянских слов, вырванных из текста Священного писания, – и потому в то время, как я с сестрой попал в ее руки, ее собственная проповеднически-наставительная речь об аде, о грехах обильно пересыпалась различными: аще, комуждо, такожде, якоже,* ***можаху*** *и проч.* (Левитов А. И. Моя фамилия (НКРЯ)). Благодаря широкой вовлеченности выражения *еле можахом* (*можаху*) в литературный язык и в речевую практику диалектоносителей, видимо, по аналогии к нему в говорах Среднего Урала и закрепилась локальная лексическая единица *неможахом* (Невьянский р-н, д. Осиновка, Багарякский р-н, с. Боевка).

Сделаем небольшое отступление. В церковнославянском подкорпусе НКРЯ словоформа *можахом* является низкочастотной, она фиксируется в одном контексте: и снидóхомъ съ горы̀, и wбрѣтóхомъ мáлъ и тѣ̑сенъ пýть, я́коже они̇̀ повѣ̑даша, и едва̀ ***можáхомъ*** ити̇̀ по нéмъ, и доидóхомъ до тоя́ разсѣ̑лины гóрныя, въ éйже пребывáху стѣ́ѩ (митр. Димитрий Ростовский (Туптало). Жития святых. Сентябрь. 10 сентября (НКРЯ)). В связи с этим вернемся к мысли А. Б. Страхова о сближении *неможахом* с обстоятельственными наречиями на *-ом*. Считаем ее вполне приемлемой: именно так – на основе созвучия финали к наречиям – и могла закрепиться в говорах книжная форма имперфекта, редкая по употреблению и в церковнославянском языке.

Глагол приобретóхать. В 31 выпуске «Словаря русских народных говоров» глагол *приобретóхать* (сов., перех.) дефинируется как ʻприобрести, обрестиʼ (Вят., 1915), он представлен без иллюстрирующего контекста (СРНГ, 1997, с. 322). А. Б. Страхов (2004, с. 311) рассматривает данное слово в связи с формой аориста, также он подвергает сомнению существование инфинитива в русских диалектах: «Инфинитив (если только он существовал в народной речи) образован от ц.-славянской формы сигматического аориста 1-ого л. ед. приобрэтохъ (от приобрэсти)».

Л. Ю. Астахина квалифицирует подобные примеры как псевдогапаксы, слова, которые засвидетельствованы в памятниках письменности, «но их в языке никогда **не существовало**. Наука **точно установила** не только их отсутствие в языке, но и тот факт, что они возникали вследствие определенных условий работы с текстами рукописей» (Астахина, 2021, с. 262). Согласно классификации псевдогапаксов данный глагол рассматривается в группе лексических единиц, «в которых могла быть “прочитана” и при издании внесена в слово лишняя буква, которой не было в рукописи» (Астахина, 2021, 389). Правда, в отношении представленного слова не указывается, какие конкретно буквы были ошибочно в него внесены, но очевидно, что это может быть только элемент *-ох-*: *приобрет*(*ох*)*ать*, видимо, как дефектное от *приобретать*. В публикациях А. Ф. Журавлева (2001, 172-178; 2002а,

382-389; 2002b, 120-131; 2014, 168-187; 2023, 123-135), посвященных сомнительным заголовочным словам СРНГ на букву «П», данный пример не упоминается.

Итак, единичная лексикографическая фиксация в «Словаре русских народных говоров» признается спорной: слово трактуется либо как дефектное, либо подчеркивается его связь с аористом, последнее является наиболее очевидным фактом. Причина, по которой спорное слово попало в сводный областной словарь, проясняется при обращении к иллюстративному материалу, отсутствующему в СРНГ.

Ключевой в поиске стала помета «вятское» с датой «1915», с которой глагол фиксируется в СРНГ. Сверка с «Областным словарем вятских говоров» дала те же результаты: в качестве заголовочного слова вынесен инфинитив *приобретохать*, правда, без указания даты и с отсылкой к «Словарю русских народных говоров»: «ПРИОБРЕТ**О**ХАТЬ, сов. Приобрести, обрести. СРНГ» (ОСВГ, 2012, с. 233). Из этого следует, что слово автоматически было перенесено в данное издание из сводного областного словаря. Следующим шагом стало обращение к материалам картотеки «Словаря русских народных говоров» (КСРНГ). Именно иллюстрирующая цитата и оказалась недостающим звеном, проливающим свет на историю появления глагола *приобретохать* в СРНГ.

В 1915 году «Записки Русского географического общества» по отделению этнографии опубликовали сборник сказок Вятской губернии по записям Дмитрия Константиновича Зеленина (1915). Одна из сказок под номером 59 называется «Быличя», то есть «Былица» – в заглавии отражены местные фонетические особенности. Ее содержание сводится к тому, что недоучившийся сын бедного сельского дьякона крал овец, а в итоге сам лишился и лошади, и телеги. Во второй части сказки дьякон, чье языковое сознание связано с церковнославянским языком, иносказательно обсуждает эти события с сыном:

«“Сыне, моé сыне!

Пріобрѣтóхалъ ли <овцу. – Е. С.>?”

А онъ и отъвѣчéетъ:

“Не пріобрѣтóхалъ <овцу. – Е. С.>,

Потерялъ <лошадь. – Е. С.>”»! (Зеленина, 1915, с. 195).

Итак, искомое слово в прошедшем времени *пріобрѣтóхалъ* найдено в сказке, записанной, по сообщению Зеленина, лично им в 1908 году от сказочника-крестьянина Андрея Харитоновича Селезéнова. Этот пример (без сохранения дореформенной орфографии) со ссылкой на дату публикации сборника сказок (1915 г.) и вписан от руки в карточку из картотеки СРНГ.

Записи Зеленина (1915, с. 454) сопровождались справочным материалом «Областныя слова, встрѣтившіяся въ сказкахъ», в котором находим этот же глагол с пояснением значения: «пріобрѣтóхалъ» – *приобрел*. Данный пример в точности перенесен в карточку картотеки СРНГ, а его фиксация в зеленинском словаре и послужила основанием для включения глагола в состав СРНГ. Обратим внимание, что и в предисловии первого выпуска СРНГ словарь «областных слов» Д. К. Зеленина (1915, 435-463) (их около 1000) из «Великорусских сказок Вятской губернии» обозначен редакторами в качестве источника лексикона (СРНГ, 1965, с. 45). Но отражает ли данное слово живую народную речь?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к изданию сказок 1915 года. В своем предисловии Д. К. Зеленин отметил, что составленный им «словарикъ» помимо диалектной лексики содержит общепонятные слова, которые вошли сюда только потому, что «онѣ любопытны въ словарномъ отношеніи» (1915, с. X). На наш взгляд, таким нетривиальным словом и является глагол *пріобрѣтóхалъ* – это результат контаминации церковнославянского аориста с показателем -ох- – грамматическая отсылка к языковой архаике – и современной формы прошедшего времени с суффиксом -л-.

Строго говоря, глагол приобретохал не является диалектизмом, он не использовался в народной речи и не встречается в начальной форме, скорее, это слово окказионального характера. Во всяком случае части критериев окказионализма оно соответствует: зафиксировано однократно и только в приведенном контексте, обладает экспрессивностью, показывает языковую деформацию, совмещая форманты утратившегося и актуального прошедшего времени. И что не менее важно, нестандартная реставрация реликтовой формы может указывать на индивидуальную повествовательную манеру самого рассказчика – Андрея Харитоновича Селезенова, который, по словам Зеленина, был «хорошимъ грамотѣемъ, и писалъ вообще по-книжному» (1915, с. 181).

На основании проведенного исследования, а также с учетом опыта предшественников предложим следующую конъектуру. Во-первых, глагол не является «дефектным» из-за неправильного прочтения, он не содержит лишних букв, об этом свидетельствует точная цитата из картотеки СРНГ и первоисточник. Во-вторых, *приобретохать* действительно обнаруживает связь с формой аориста, и это демонстрирует не только показатель -ох-, но также содержание фрагмента (стилизация под речь персонажа духовного сословия) и система комментариев Д. К. Зеленина к сказкам и манере рассказчика. В-третьих, заголовочное слово авторами-составителями областного словаря с точки зрения действующей в современном языке нормы указано корректно: *приобретохать* соотносится не с аористом приобрэтохъ (‘я приобрел’), а реконструируется как инфинитив, от основы которого образовано окказиональное прошедшее время – *пріобрѣтóха-лъ*.

Оставляем за рамками нашей статьи дискуссионный вопрос об использовании фольклорного материала в качестве источника сводного областного словаря и конкретно целесообразность включения в состав СРНГ данной лексической единицы. Издатели признают, «что довольно часто оценка диалектного материала вызывает серьезные трудности» (Мызников, 2018, с. 37, 342), особенно это касается использования фольклорных произведений. Однако считаем, что если бы слово имело помету «фольклорное» и сопровождалось цитатой, можно уверенно сказать, что часть вопросов к его лексикографической репрезентации была бы снята.

Заключение

Изучение реликтовых явлений на примере диалектных слов и в свете их лексикографической истории позволило сделать следующие выводы.

В критических работах по лексикографии глагол *приобретохать* и наречие *неможахом* рассматриваются недифференцированно, в единой выборке спорных представлений заголовочных слов. Однако обращение к вопросам диахронии, анализ иллюстративного материала, детальное изучение публикации источников показали, что данные слова возможно объединить с исторической позиции – они связаны с формами простых претеритов, а в остальном их языковой статус можно оценивать по-разному.

Неможахом так же, как формально и семантически близкие сверхсловные выражения *еле можахом / еле можаху*, представляет собой единицу, закрепившуюся в различных языковых стратах: в говорах и в литературном языке. При этом *неможахом* можно квалифицировать как локальную «реплику» на более распространенную в говорах идиому *еле можахом*. Обстоятельства их вхождения в речь стандартны: формы аориста и имперфекта, связанные с церковнославянской традицией, сохраняются как часть русской фразеологии.

История глагола *приобретохать* (точнее, *приобретохал*) выходит за пределы языковой регулярности: это единичный пример творческого переосмысления формы аориста «к случаю» в рамках сюжета фольклорного произведения и, возможно, отголосок «книжности» информанта, со слов которого была записана сказка. В соответствии с указанной спецификой затруднительно квалифицировать слово, причудливым образом оказавшееся в фольклорном тексте, как диалектное или церковнославянское.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем сборе и изучении архаичных явлений как в системе русского литературного языка, так и в народной речи на материале диалектной лексикографии.

Материалы исследования | Research materials

1. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вяткой губернии: с приложением шести вотяцких сказок // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1915. Т. 42.
2. Картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) (КСРНГ).
3. Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru (НКРЯ).
4. Областной словарь вятских говоров / ред. З. В. Сметанина. Киров: Изд-во ООО «Радуга-Пресс», 2012. Вып. 8. П (ОСВГ).
5. Псковский областной словарь с историческими данными / ред.: Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. Вып. 18 (ПОС).
6. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / гл. ред. П. А. Вовчок. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1964. Т. 1 (СГСУ).
7. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / гл. ред. П. А. Вовчок. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1971. Т. 2.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М. – Л.: Наука, 1965. Вып. 1 (СРНГ).
9. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М. – Л.: Наука, 1986. Вып. 21.
10. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1997. Вып. 31.
11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2007. Вып. 41.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 4-е, стер. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2004. Т. 1.
13. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Изд-е 3-е, испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Изд-е 8-е, стер. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. Т. 2.

Источники | References

1. Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021.
2. Галинская Е. А. Об одном реликте древнеславянского имперфекта в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 6.
3. Глаголева А. С. Бишь: баять или быть? О происхождении одной частицы // Русская речь. 2024. № 1. https://doi.org/10.31857/S0131611724010058
4. Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 6: СРНГ, П // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20.
5. Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 5: СРНГ, О-П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова / отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. М., 2002a.
6. Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 7: СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 2002b. № 8.

7. Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы 8: СРНГ, П // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 3.
8. Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы 13: СРНГ, Б-П (дополнения) // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. https://doi.org/10.31168/91674-692-1.1.9
9. Мызников С. А. «Словарь русских народных говоров»: некоторые итоги лексикографической работы // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов, Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. https://doi.org/10.31168/0417-6.3.4
10. Страхов А. Б., Страхова О. Б. Русские загадки и традиция Joca Monachorum // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5.
11. Страхов А. Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // Palaeoslavica. 2004. Vol. XII. № 1.
12. Халанский М. Г. О присловьях: -стани, -ста, -сте и -су (съ) // Халанский М. Г. Из заметок по истории русского литературного языка. СПб.: Тип. Акад. наук, 1899.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд-е 3-е / вступ. ст. Е. В. Клобукова; ред. и коммент. Е. С. Истоминой. М.: УРСС, 2001.

Информация об авторах | Author information

RU

Серегина Елена Евгеньевна[1], к. филол. н., доц.
[1] Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва

EN

Elena Evgenievna Seregina[1], PhD
[1] Saint Tikhon's Humanitarian Orthodox University, Moscow

[1] *anel1974@bk.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2025; опубликовано online (published online): 01.11.2025.

Ключевые слова (keywords): форма аориста; форма имперфекта; церковнославянский язык; диалектная лексикография; Словарь русских народных говоров; aorist verb form; imperfect verb form; Church Slavonic language; dialectal lexicography; The Dictionary of Russian Folk Dialects.